

Дипломатия-спектакль и американские закономерности

Что сказать о *дипломатии-спектакле*, которая стала визитной карточкой американского президентства и нашла яркое проявление в выступлениях Дональда Трампа в израильском Кнессете и на церемонии *Peace 2025* в Шарм-эль-Шейхе?

Это скользкая почва, поскольку она сочетает в себе новые формы *телевизионной демократии и демократии социальных сетей* и исторические черты *американизма* со структурными изменениями *атлантического упадка* и последующей динамикой мирового противостояния.

Несмотря на некоторый пессимизм, стоит вернуться к описанию, опубликованному в июле в *L'Opinion* Фредериком Шарийоном, бывшим руководителем Института стратегических исследований Военной академии и преподавателем ESSEC, высшей школы экономических наук, основанной иезуитами. По его мнению, «времена классической дипломатии закончились», и это «плохая новость для европейцев, которые в значительной степени изобрели её и, прежде всего, освятили после Венского конгресса 1814–1815 годов». Перед лицом «постоянной неопределённости», к которой стремится Трамп, «Европа обнажена», а её стратегическое измерение «не существует или существует в недостаточной степени» без Вашингтона, который теперь подрывает «дипломатические практики, которые Европа считала своими главными сильными сторонами».

Новый подход «противоречит европейскому ДНК». Во-первых, «привычка объявлять даже самые серьёзные решения в социальных сетях или публиковать там свои настроения, независимо от того, какие последствия это может иметь на местах». Это далеко от Джона Фицджеральда Кеннеди, который в роковые «тринацать дней» кубинского кризиса мог собрать десятки советников, чтобы «выиграть время» и «коллегиально принять решение», как лучше ответить Никите Хрущёву. Теперь же на глазах у журналистов разворачивается практика «постоянных извержений».

«Для старой, воспитанной Европы, которая тратит столько времени, сколько нужно, чтобы согласовать общую позицию, убеждённой, что консенсус придаёт ей большую легитимность, эта эволюция ужасна. Она [президентская администрация США] представляет бахвальство как более эффективное, чем дипломатический профессионализм, вспышки гнева, а не переговоры, резкие высказывания в сети X, а не компромисс. Для Трампа эффектный ход – это предварительное условие для достижения соглашения. Но общественность видит в этом доказательство слабости разумных людей».

Вторая черта – «односторонность», вплоть до беззастенчивого вмешательства в политические или судебные дела других держав. Вашингтон всегда практиковал односторонние действия – вспомним никсоновский шок 1971 года, – но, по мнению Шарийона, цель Трампа состоит не только в том, чтобы игнорировать или обходить партнёров, но и «тревожить их, чтобы утвердить своё лидерство, путём намеренно непредсказуемого и публично разыгрываемого запугивания».

Третья черта: Трамп «доводит до крайности подчинение внешней политики внутренним условиям и целям». Это свойственно любой дипломатии, но Трамп «заходит дальше»: «Он определяет свою международную ориентацию, исходя из электората, недоверчивого к зарубежным странам, из советников, не имеющих опыта в международных делах, и из идеологической близости с иностранными лидерами, входящими в узкий круг, врачающийся вокруг Белого дома. Чтобы вести переговоры с Америкой, нельзя больше рассуждать в терминах интересов, нужно знать, кого в Вашингтоне нужно ублажить». Таким образом, европейцы могут стать последними, кто придерживается классической дипломатии: «легально-рациональной, постепенной, основанной на переговорах и компромиссе».

Этот диагноз повторяется в интервью *Le Monde* с Кристофом Хойсгеном, бывшим советником Ангела Меркель, однако там акцент сделан на откровенно *транзакционном* характере политики Трампа, которая больше не является надёжной гарантией союзнических связей. Когда Хойсген представился Джареду Кушнеру словно дипломату старой школы, напомнив о Кеннеди времён Берлинского кризиса и о Джордже Буше – соавторе объединения Германии, – ответ зятя Трампа, ныне одного из архитекторов соглашений Авраама, был прям и обезоруживающе прост: «*Остановись, Кристоф. Мы не*

дипломаты, мы бизнесмены. А в бизнесе сегодня ты друг, а завтра враг. Так мы ведём нашу внешнюю политику».

Уолтер Рассел Мид, который в своих комментариях в *Wall Street Journal* часто помогает расшифровывать новый курс Вашингтона, предлагает взглянуть на происходящее с определённой дистанции – вне европейского недоумения. Действительно, «рациональность не является доминирующим принципом в решениях Трампа», признаёт он в беседе с Мишелем Дюкло из Института Монтень. Трамп действует по «интуиции», но его интуиция носит отпечаток «коллективной культуры». Это «почти архетипы», которые, если их распознать, позволяют лучше понять его решения, даже если они далеки от рациональности, вдохновлявшей стратегический анализ Ричарда Никсона. Опираясь на политическую историю Соединённых Штатов и их школы мысли, советует Мид, можно увидеть, что даже в «доктрине Трампа» присутствуют «американские константы», лежащие в основе его внешней политики.

Мид ссылается на своё известное разъяснение американской политической традиции: экономического реализма гамильтонианцев, интернационалистического идеализма вильсонианцев, напористого национализма джексонианцев и реалистичной осторожности джефферсонианцев, настороженно относящихся к зарубежным обязательствам и федеральным расходам. В последние тридцать лет в американской внешней политике доминировала «глобалистская коалиция» гамильтонианцев и вильсонианцев – старый мир «либерального порядка». Трамп, по-видимому, воспользовался восстанием против этого консенсуса, объединив национализм джексонианцев с осторожностью джефферсонианцев. Беспрецедентной чертой нового курса является то, что «всё зависит от внутренней политики»; Трамп, по-видимому, с «управленческим мастерством» лавировал в этой коалиции в зависимости от колебаний электоральной поддержки, отдав политику в отношении Израиля джексоновскому национализму, а в отношении Украины – уклончивому джефферсоновскому реализму.

Мид остаётся на поверхности идеологий и социальной психологии и менее глубоко связывает их с динамикой крупных групп и фракций капитала в Соединённых Штатах, ограничиваясь различиями интересов новых высокотехнологичных игроков Кремниевой долины по сравнению с «традиционным капитализмом». Но его попытка отнести Трампа к константам американства хотя бы прокладывает путь к отходу от доминирующей тенденции, заменяющей политический анализ комментированием очередному эпизоду дипломатии-спектакля.

(продолжение на стр. 2)

Октябрь 2025 г.